

Моя Москва

Юрий Башмет.
Альтист. Руководитель
и дирижер
камерного ансамбля
«Солисты Москвы».
Родился
в Ростове-на-Дону
в 1953 году.
Живет
в своем доме
под Москвой.

Фото Виктора АХЛОМОВА

ЭТОТ ПОТРЯСАЮЩИЙ ТЕМП!

Неделя. — 1997. — №2. — С. 20

Когда мне было десять лет — мы тогда жили во Львове, — мама меня первый раз привезла в Москву, чтобы я поступил в интернат при музыкальной спецшколе, показала профессору Дружинину. Он послушал и сказал, что мальчик и так замечательно учится, зачем ему усложнять жизнь, пусть он доучится у себя и спокойно приезжает поступать в Московскую консерваторию. Мама так и сделала. Таким образом я оказался в Москве в семнадцатилетнем возрасте. Помню, в мой первый приезд в столицу мама меня водила в Кремль, правда, я не ходил в мавзолей Ленина и до сегодняшнего дня так там и не побывал. Запомнился ужасный Калининский проспект — серый, и всегда там сквозняк — и неосвещенные окраины Москвы.

В 71-м году я приехал поступать в Московскую консерваторию. С одной стороны, нужно было быть очень хорошо подготовленным, а то ты мог не пройти конкурс, а с другой стороны — многие поступали по целевому направлению, часто не имея глубоких знаний. В этом была своя несправедливость. Внешне, хотя я не имею никакого отношения к Кавказу или к Азии, меня многие вначале, пока не знали, путали с «целевиком», хотя я поступил на общих основаниях и с пятеркой с плюсом. Для меня это было большое личное потрясение. Ведь во Львове я был очень популярным гитаристом. Скрипочка была для мамы, а для сердца — гитара. И после такой популярности я оказываюсь каким-то третьесортным, приехавшим черт знает откуда... Я пережил первый шок.

Но было, конечно, много такого, что живет во мне до сих пор. Помню, как появлялся в консерватории Ойстрах, вихрем пронесился Ростропович. Он только появился в дверях, а уже по всем этажам разносилось: Ростропович... Невозможно было попасть в класс, где он вел занятие, — не было мест. Уже когда я сам стал преподавать в консерватории, я не мог привести в пример студентам Ростроповича, а когда решался и тихо говорил: «А вот как Ростропович» — у студента были стеклянные глаза, он не понимал, что я имею в виду. Отъезд Ростроповича никогда не будет компенсирован теперешними его приездами.

Но над этим над всем всегда существовал человек, — он и жив, слава Богу, — который никогда не попадал ни в какие политические перипетии, у него был странный имидж, и его присутствие всегда означало живой недостижимый идеал. Это я о Свято-славе Рихтере. Со Святославом Теофиловичем связана одна история, когда я три дня был невыездным. Я об этом никогда не рассказывал, потому что узнал все постфактум. Ансамбль студентов, в который входил и я, ехал с Рихтером на гастроли. Мне вдруг не выдают загранпаспорт. Оказывается, в Министерство культуры пришло от Герберта Караяна для меня предложение приехать подписать контракт, чтобы я стал у него концертмейстером группы альтов. Меня нигде не вызывали, а разговаривали со мной в консерватории. Логика властей была такой — во-первых, мы обычно помогаем слаборазвитым странам, направляем туда наших специалистов, а поскольку Западный Берлин не является таковым, значит нечего им помогать. Во-вторых, если для меня пришло письмо, официально подписанное господином Караяном, значит была предварительная договоренность. И сразу же последовал вопрос: где и при каких обстоятельствах вы с ним встречались? Я им отвечаю, что я с Караяном лично не знаком и никогда не встречался. Просто проводился конкурс в Мюнхене, на нем он меня увидел и услышал, спросил, где живет мальчик, — вот и все. Это письмо стало причиной невыдачи мне загранпаспорта. Рихтер выдвинул в ответ ультиматум, что без меня он не поедет на гастроли и два года не будет играть в Большом зале консерватории, а тогда мы с ним еще не дружили. Да и студенческий ансамбль был большой, где он мог меня разглядеть? Потом я узнал, что ему нравилось, как я играл в одной из частей концерта. Ультиматум действовал, и через три дня я получил паспорт.

Я сейчас вспомнил забавную историю, как на первом курсе я проводил один эксперимент — здоровался с «великими» и замечал, как они реагируют. Ойстрах протянул мне пухлую руку, и по его улыбке было видно, что он меня искренне не узнает, но он все-таки улыбнулся и поздоровался, спросил, у кого я учусь, и пригласил к

себе на занятия. Коган холодно поздоровался и побежал дальше — спешил очень. А Ростропович обнял меня, крикнул: «А, друг дорогой!» — и потащил меня с собой, как будто мы с ним действительно знакомы уже двадцать лет.

Но главное, конечно, атмосфера, которая была в консерватории. В день, когда нужно было идти, например, на урок к Ойстраху, студенты надевали белые рубашки и галстуки. Дух соревнования был — в год проводилось пять-шесть значительных конкурсов, и некоторые не выдерживали психически такого напряжения. Для альтистов не было конкурсов, поэтому я первый год прожил спокойно, но внутренне меня это раздражало. Вскоре эти конкурсы стали устраиваться. Двадцать четыре копейки стоило такси, чтобы с улицы Герцена доехать до Малой Грузинской, где находилось консерваторское общежитие. Это был мой основной маршрут. Из окон общежития мы наблюдали, как из-за угла выезжал Высоцкий с Мариной Влади — они рядом жили. Особо гулять не удавалось, потому что альт требует огромного количества часов занятий. После окончания консерватории, после всех конкурсов наступила такая яма... Все было не так легко — нужно было получить прописку в Москве, где-то жить. Я был уже женат, и не на москвичке в отличие от многих моих сокурсников. Москва нужна была для карьеры, находиться не в столице и иметь концертную карьеру было практически невозможно.

Москва — это мой город. Я мог бы себе представить свою жизнь в Париже, если бы меня выгнали отсюда, потому что это город такой же разнообразный по сути, как Москва. А вот, например, Лондон — это уже не то, Нью-Йорк — тем более. В Америке немного раздражают уехавшие наши люди, потому что они все какие-то другие и в то же время по сути не другие, а просто расстроенные чем-то. Хотя в Париже жуткий национализм. Люди там не простые, как самые дорогие французские вина — выпьешь бокал, а потом долго следишь за развитием вкусовой гаммы... Когда видишь французское слово, то читать нужно только его половину — тоже неспроста. У нас, правда, тоже не все читается...

Вы спрашиваете, какую музыку играет Москва... Мне кажется, что Чайковский. Во всяком случае, то место, которое является для меня главным в этом городе, — консерватория, уж точно. Там и поставлен памятник Петру Ильичу. Консерваторский двор в форме буквы «П», окружающие его стены держат эту энергию и возвращают ее.

Видимо, это была моя многолетняя мечта — жить не в квартире, а в своем доме. Когда дом под Москвой был построен и еще не работало отопление, не было мебели, я остался в нем один ночевать на раскладушке и с тех пор здесь и живу. В любое время суток я могу громко слушать музыку. Когда захочу, выхожу прогуляться. Как-то у меня была бессонница, я лежал и читал книгу и вдруг услышал стук дятла — он первый проснулся. Я стал прислушиваться, как природа пробуждается ото сна. Через час звучала уже целая партия голосов. Это было удивительно — из тишины возник целый хор.

Я нигде так активно не живу, как в Москве. С музыкальной точки зрения, Москва — самое живое место в мире. За границу я скорее уезжаю отдыхать — несмотря на то, что там бывают очень напряженные и ответственные концерты — я сам выбираю для себя именно такие. Там нет такого количества совершенно разных по направлению дел. Занимаешься только тем, что готовишься к концерту, приводишь себя в лучшую форму. Порепетируешь, пообедаешь, ляжешь спать. Завтра опять репетиция, вечером концерт, потом ужин. На следующий день переезжаешь в другой город — и так до конца гастролей. А приезжаешь домой — сразу идут звонки, появляется длинный список дел. Я не знаю, каков внешний городской московский ритм, но я вижу, какова здесь скорость мысли и скорость действий, это потрясающий темп! Он не такой, как на Елисейских полях в Париже, когда все куда-то несется... Внутри, внутри все происходит.

Записала Елена АЛЕКСЕЕВА